

Гей как фиктивная идентичность (ложное «я»)

Гей как фиктивная идентичность (ложное «я»)

Джозеф Николоси, Ph.D.

Я хотел бы предложить социо-аналитический взгляд на формирование гей-идентичности. Этот взгляд базируется на опыте, полученном из клинического опыта психотерапевтической работы более чем с 400 гомосексуально ориентированными мужчинами в течение 18 лет.

Вопрос гей-идентичности изображается как проблема гражданских прав и самоопределения. Мы, американцы, любящие свободу, увлеклись ею столь сильно, что потеряли наши устои. Наиболее влиятельные институты нашего общества – профессиональная психология и психиатрия, церковь, образовательная система и СМИ – пали жертвой обмана. Поскольку я убежден, что гей – это идентичность, порожденная самообманом.

Гей - это не гомосексуал

Во-первых, мне хотелось бы подчеркнуть, что я буду говорить не о человеке, который борется с влечением к собственному полу, а о человеке, который воспринимает себя как гея, о личности, которая ассоциирует и идентифицирует себя с идеей, что гомосексуальное поведение столь же нормально и естественно, как и гетеросексуальное.

Во-вторых, я хотел бы прояснить свое убеждение, что такой вещи как гей-личность, не существует. Гей – это вымышленное «я», используемое индивидуумом для разрешения болезненных эмоциональных сомнений. Человек, осознающий, что у него есть гомосексуальные проблемы, борющийся с ними, не является геем. Он просто гомосексуал.

Чтобы поверить в приемлемость концепции гей-идентичности, человек неизбежно должен отвергнуть значительные аспекты человеческой реальности. Основание для этого обычно закладывается серьезным отрицанием реальности в период раннего детства.

Я бы хотел предложить трехступенчатую психо-социальную модель развития гей-идентичности:

- прегомосексуальный ребенок и его гендерные нарушения;
- последующая ассимиляция его в гей-субкультуру, которая питает те же самые искаженные представления о себе и человечестве;
- описание механизмов, посредством которых самообман гей-сообщества перерастает в дальнейший обман большей части общества.

Ранняя гендерная идентичность

Начнем с ребенка. В критический период развития, называемый фазой гендерной идентификации, ребенок обнаруживает, что мир делится на мужчин и женщин. Кем из них он собирается быть? Он лично ответствен за выбор мужественности или женственности. «Я – мальчик? Или я – девочка?» Мы будем говорить преимущественно о мальчиках, поскольку в случае женского гомосексуализма имеют место более сложные вариации.

Столкнувшись с реальностью гендерного мира, мужского и женского, и побуждаемый сделать выбор, ребенок может прибегнуть к стратегии избегания – регрессу в фазу андрогинности: «Мне не нужно отказываться от преимуществ какого-либо пола. Я могу быть и мужчиной, и

женщиной». Однако, реальность давит, в жизнь ребенка входит язык, и он слышит «он» и «она», «его» и «ее».

Дети обоих полов вначале идентифицируются с матерью, с первым объектом любви, но перед мальчиком стоит дополнительная задача развития и переидентификации от матери к отцу. Мы не должны насчет этого заблуждаться; маскулинность, по словам Роберта Столлера, это достижение. Ребенок, особенно мальчик, работает не только над приобретением идентичности, своего «я», но и над обретением гендера, своего пола. Каждая, когда-либо выживавшая культура, имела четкое понимание необходимости достижения половой идентичности, оказывала поддержку и помогала мальчику в достижении этого через обряды посвящения и инициации.

Сегодня мы всё все меньше поддерживаем формирование маскулинной идентичности у мальчиков, особенно пренебрегаем поддержкой, требующейся со стороны родителей. Для мальчика отец является наиболее важной фигурой в процессе идентификации. Если он отзывчивый, принимающий, привлекательный, мальчик будет проходить стадию отдаления от матери и отождествлять себя с отцом, чтобы наладить естественные для мужского пола связи. Если отец холоден, отстранен, резок или просто не проявляет заинтересованности, мальчик может стремиться к этому, но, почувствовав себя раненым и обескураженным, откажется от достижения своей природной маскулинности, возвращаясь к своей матери.

Не существует убедительных научных доказательств существования «гей-гена», но определенный тип мальчиков, действительно, кажется особо предрасположен к гомосексуальному развитию. Клинические исследования свидетельствуют о том, что мальчик, эстетически ориентированный, отличающийся чувствительностью, пассивностью и мягкостью наиболее предрасположен к тому, чтобы отступить перед встающей в процессе развития необходимостью гендерной идентификации со своим отцом. Более сильный, смелый, более «толстокожий» сын уверенно преодолевает возникающие эмоциональные барьеры. Чувствительный же сын, как кажется, решает: «Я не могу быть мужчиной, но не могу быть и полностью женщиной; поэтому я останусь в своем собственном андрогинном мире, в потайном уголке моих фантазий».

Как мы увидим, склонность к андрогинным фантазиям переходит и во взрослую жизнь; на самом деле, она является фундаментальной чертой гей-культуры. Эти фантазии содержат в себе не только нарциссичный отказ идентифицироваться с гендерно-ориентированной культурой, но также отказ идентифицироваться с человеческой биологической реальностью, на которой основывается наше общество половых различий. На самом деле, гендер, сущностная черта личностной идентичности, является важнейшей категорией, посредством которой мы воспринимаем себя и других. И она же представляет собой основной путь достижения зрелости.

Множество исследований подтверждают корреляцию между детской гендерной неконформностью, позволяющей предположить нарушения гендерной идентичности, и дальнейшей гомосексуальностью. Развитие гомосексуальности не всегда происходит именно таким образом, но это обычный путь ее развития. Отзвуки этой темы мы слышим в гей-литературе; вновь и вновь в ней повторяется история о прегомосексуальном мальчике, который изолирован от сверстников своего пола и не находит с ними общего языка; он чувствует себя не таким как все, ему неуютно в своей маскулинности; он ощущает себя одиноким, ненужным своему отцу, и ищет прибежища у матери. Камилла Пэглия, лесби-активистка, говорит, что на протяжении всего детства боролась с «мощной гендерной дисфункцией». Эндрю Салливане, гей-авторе «*Virtually normal*», одноклассник в детстве задал вопрос: «Ты вообще девочка или мальчик?»

Поскольку гендер служил в детстве источником боли, неудивительно, что уничтожение гендерных различий является центральным требованием гей-культуры. Геи часто называют свою позицию «индифферентность к полу». Дэрил Бем (Daryl Bem), психолог-гей, описывает свою версию утопического общества как «гендерно неполяризованной культуры», в которой каждый потенциально может вступать в связь с каждым. Другие гей-писатели настаивают на «завершении гендерной системы»

Отчужденность от себя и других

Итак, мы видим, что человек, во взрослом возрасте принимающий клеймо гея, обычно большую часть своего детства эмоционально отдален от людей, особенно от сверстников мужского пола и от своего отца. Он также склонен принимать на себя фальшивую, ригидную роль «пай-мальчика» в семье. Один из моих клиентов сказал: «Я был пустым местом, я не находил себе места в этом мире». Другой сказал: «Я всегда выполнял то, что другие люди предписывали мне. Я был исполнителем в играх других людей».

Один из клиентов говорил: «Мои родители смотрели, как я рос», и, услышав это, другой клиент добавил «Я сам наблюдал себя, пока рос». Вы слышите в этих словах симптомы отделенности от самого себя? – «Я наблюдал за собой». Неудивительно, что прегомосексуальные мальчики столь увлекаются театром и игрой: «Жизнь - это театр. Мы все актеры. Разве реальность не может быть тем, чем мы желаем, чтобы она была?»

В отсутствии подлинной идентичности легко прийти к ее изобретению. Оскар Уайльд, возможно, первый, кто дал образ гея, сказав: «Естественность – это всего лишь другая поза».

Без внутренней эмоциональной связи, которая могла бы утвердить его в естественном «я», гей пластичен. Он — трансформер, Виктор-Виктория, или персонаж из «Клетки для чудиков». Он притворщик, шут, - то, что французский психоаналитик Ж. Шассег-Смиргель называет «самозванцем», а Роберт Хопке, гей, психотерапевт юнгианского направления, - «аутсайдером, обманщиком, андрогинном – личностью, которая разрушает границы в нашем обществе».

Фрейд сказал: «Отец – это принцип реальности». Отец представляет переход от блаженного детства с матерью и симбиотических взаимоотношений в жестокую реальность. Но прегомосексуальный мальчик говорит себе: «Если я не важен для своего отца, то и он будет не важен для меня. Если он отвергает меня, я отвергну его и все, что он представляет». В этих заявлениях мы видим инфантильную силу отрицания – «Отец ничему не может научить меня. Его творческая сила и способность воздействовать на мир несравнима с миром моей фантазии. То, чего он достигает в реальности, я могу получить в мечтах. Мечта и реальность – одно и то же».

Вместо того, чтобы пытаться обрести собственную мужественность, порождающую силу, вместо того, чтобы двигаться вовне, попытаться воздействовать на мир, он предпочитает остаться в роли мечтательного маленького пай-мальчика. Он отстранен не только от отца и других мальчиков, но и от собственной мужественности и своего мужского тела, включая первый символ мужественности, свой пенис, как от объекта, чуждого ему самому. Позже он попытается найти исцеление через пенис другого мужчины. Поскольку именно это и представляет собой гомосексуальное поведение: поиск собственной потерянной маскулинности.

Поиски идентичности ощущаются как гомоэротизм

В раннем подростковом возрасте неосознанное побуждение заполнить этот эмоциональный вакуум, потребность быть связанным со своей мужественностью, воспринимаются как

гомоэротическое желание. Следующей ступенью становится вхождение в гей-мир.

Тогда в первый раз в своей жизни этот одинокий, отчужденный молодой человек встречается (через гей-романы в библиотеках, телевизионных персонажей или чаты) людей, которые разделяют те же самые чувства. Но он получает не только сочувствие; вместе с сочувствием приходит целый багаж новых идей и представление о сексе, гендере, человеческих взаимоотношениях, физических отношениях и собственной судьбе.

Вслед за этим он проходит через стремительное, эйфорическое переживание, своеобразный псевдо-обряд инициации, называемый «выход из подполья». Это очередная выдуманная роль, призванная отвлечь его от более глубокого, более болезненного вопроса собственной идентичности. Гей-идентичность не «обнаруживается», как если бы она априори существовала как естественная черта. Она является продуктом мифотворчества группы людей, пытающихся скрыть коллективные эмоциональные раны, результатом процесса, одобренного современной культурой. Это мнимое провозглашение полного и окончательного обретения подлинной идентичности через «геевость», является, возможно, наиболее опасной из всех искусственно сконструированных ролей, испробованных молодым человеком, находящимся в поисках собственной идентичности и принадлежности. В этот момент он меняет роль уступчивого пай-мальчика, которую играл в детстве, на роль сексуального аутсайдера.

Одним из преимуществ членства в гей-субкультуре является поддержка и подкрепление, которые он получает, обращаясь к фантазии как методу решения проблем.

Обращение к фантазии

Теперь он способен делать коллективно то, что делал в одиночку, будучи ребенком: когда реальность болезненна, он выбирает путь фантазии. «Я могу просто переустроить себя и мир. Если другие не хотят играть в мои игры, я могу пустить в ход свое обаяние и манипулировать ими. Если это не срабатывает, я могу позволить себе вспышку гнева»

Принимая ярлык гея, этот одинокий ребенок получает удивительные выгоды. Он принимает неограниченный секс и неограниченную силу преворачивать реальность в собственной голове. Он наслаждается реабилитацией ран раннего детства. Плюс, как добавочный бонус, он получает возможность отвергнуть своего отвергающего отца и заодно иудео-христианского Бога-Отца, который отделяет хорошее от плохого, правильное от неправильного, истину от обмана. Оскар Уайльд сказал: «Мораль – это всего лишь позиция, которую мы занимаем по отношению к людям, которые нам лично не нравятся».

Давайте теперь обратимся к третьему уровню: «Как этой группе эмоционально раненных мальчиков и девочек, а ныне взрослых, известной как гей сообщество, удалось не только внедрить воображаемое освобождение в массовую культуру, но и привлечь на свою сторону законодателей, общественных деятелей, университеты и церкви?»

Существует несколько путей, но три из них заслуживают особого упоминания.

Первым является движение за гражданские права, возможно, наиболее влиятельная сила в формировании коллективного сознания американского общества в XX столетии. Апологеты гей-движения воспользовались вопросом права на подлинную идентичность как клином, чтобы провести свое определение человеческой сексуальности - и, по сути, самой человеческой природы. То мощное оружие, которое время от времени вновь пускается в ход, это история coming out. Именно эта одна общая история повторяется почти слово в слово на протяжении последних 30 лет повсеместно - от комитетов АПА в 1973 году до ток-шоу Опры Винфрей.

Я видел, как представители духовенства тепло аплодировали историям coming out. А почему нет? Ведь «обрести себя» и «быть тем, кто есть ты на самом деле» - это популярные темы конца XX века, имеющие для них героическое и привлекательное звучание. Несомненно, человек, рассказывающий историю coming out, искренен. Он имеет в виду то, что говорит, но аудитория редко смотрит дальше его слов, чтобы понять его coming out в более широком контексте.

Вторым фактором стало то, что сама по себе сексуальность находится в кризисе; наши определения семьи, общества, рождения, брака и гендера претерпели фундаментальные изменения. Все эти изменения служат праву индивида стремиться к сексуальному удовольствию. Хотя гей-правозащитное движение следовало на волне движения за гражданские права, но свою идеологическую силу оно продолжало черпать от движения за сексуальную свободу.

Наше время - это время культурной незащитности перед риторикой движения в защиту прав сексуальных меньшинств. По словам Ж. Шассеге-Смиргель (Chasseguet-Smirgel), лицам, страдающим извращениями (в традиционном психоаналитическом смысле слова), удалось внести путаницу в два наиболее существенных вопроса человеческой реальности: различие между поколениями и между полами. В гей-идеологии мы видим именно такое стирание различий.

Мидж Дектер говорит, что мы - культура, которая обращается с детьми как со взрослыми (достаточно взглянуть на сексуальное просвещение в начальной школе), в то самое время как взрослые действуют как дети.

Наше общество - это общество, ориентированное на потребителя. Маркетологи ориентированы на целевые потребительские группы. Гей пары называют DINKS - от слов «двойной доход, нет детей» (dual income, no kids). А это означает - расходуемый доход. Торговцы всегда готовы обслужить гей-клиентуру, а коммерческие адвокаты придают гей сообществу вид легитимности. Сегодня почти каждая крупная корпорация предлагает услуги, специально рассчитанные на гомосексуалов, например, такие корпорации как AT&T, Hayatt House, Seagrams, Apple Computer, Time-Warner и American Express. Популярным пунктом потребления у геев являются алкоголь и сигареты. Существуют гей-курорты, гей-круизы, гей-театры, гей-кинофестивали. Гей-журналы, фильмы и романы обращаются к образу личности, испытывающей проблемы идентичности и принадлежности. Первоклассные ювелирные изделия, мода, меблировка и парфюмерия готовы потешить, успокоить и доставить удовольствие испытывающему боль меньшинству. Но кроме материального успокоения эти роскошные изделия ассоциируют гей-идентичность с экономическим успехом: «Гей-жизнь - это хорошая жизнь».

Однако, гей остается контр-идентичностью, отрицанием. Под этим я подразумеваю то, что она получает психическую энергию от «я не», от инфантильного отказа воспринять реальность. Благодаря оправданию, которое гей-идентичность находит сегодня у либерального образования в сфере искусства, гей-идентичность легко входит в обиход мира деконструктивизма.

Деконструктивизм и гей-программа полностью совместимы. Они перекликаются с множеством схожих современных течений, включая движение против «вид-изма», развивающее идею, что человек не должен претендовать на превосходство над животными. «Освободитель животных» и основатель PETA Ингрид Ньюкирк говорит, что: «Крыса - это свинья...это собака...это мальчик».

Также существуют движения, которые стремятся разрушить барьеры между поколениями, и ярким подтверждением этого стало недавнее смягчение психиатрами диагностического

определения педофилии и публикацией в двойном выпуске журнала «Journal of Homosexuality» статьи «Мужская любовь между поколениями» («Male Intergenerational Love», апологии педофилии). Пользуются популярностью (прежде всего среди геев и феминисток) движения, отрицающие любые ментальные и эмоциональные различия между полами, и, что еще более тревожно, движения поклонения природе, которые переосмысливают инстинкты как священные.

Основателем деконструктивизма является Мишель Фуко, гей, чьи философские взгляды вытекали из его собственной борьбы с гомосексуальностью. Фуко вынашивал безумный план уничтожить различие между жизнью и смертью; в последние годы своей жизни он был одержим идеей одновременного переживания смерти и оргазма. В итоге, по словам Чарльза Сокаридеса, он преуспел в разрушении самого себя (Фуко скончался в клинике от СПИДа).

В деконструктивистской системе ценностей животные оказались смешаны с людьми, священное - со светским, взрослые - с детьми, мужское - с женским, и жизнь - со смертью; все эти традиционно наиболее глубокие различия и разделения оказались ныне в осаде.

«Гей» в кинофологии

В недавнем диснеевском мультфильме «Король лев» многолетние связи между поколениями показаны на примере любящих и исполненных отцовской гордости отношений между Муфасой, королем львов, и его маленьким сыном Симбой, будущим королем. Они живут в уравновешенном, упорядоченном мире львиного царства. Но есть еще один персонаж, Шрам, злопамятный брат короля, который живет отдельно и полон зависти и злобы. Было много дебатов относительно того, что Шрам представляет собой гея.

В фильме именно Шрам разрывает отцовско-сыновнюю связь между поколениями. Он убивает короля льва, вступая в сговор со стаей мусорщиков-гиен. Таким образом, Шрам ввергает упорядоченное львиное царство в хаос и разруху. Но перед тем, как все это происходит, мы слышим краткий шуточный диалог между молодым детенышем и его дядей.

Смеясь, Симба говорит: «Дядя Шрам, ты странный».

И Шрам глубокомысленно отвечает: «Ты и понятия не имеешь, насколько».

Выход

Мы увидели, что «гей» - это компромиссная идентичность, используемая индивидуумом для разрешения эмоциональных конфликтов, и все в большей степени поддерживаемая нашим обществом. Это коллективная иллюзия, подлинный гей-обман. Но я встречал значительно больше мужчин, чем я могу сосчитать, находящихся в процессе борьбы, роста и изменений. Это борьба обжигает душу, бросая вызов, как это и должно быть, лживому «я», сформированному в годы раннего детства индивида.

Став взрослыми, эти борцы обратились к гей жизни и вернулись разочарованными увиденным. Вместо того, чтобы вести войну против естественного порядка в обществе, они выбрали внутреннюю борьбу. Я уверен, что это единственно верное решение проблемы идентичности.